

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ИТАЛИЯ

*Умберто Террачини, член руководства
Итальянской коммунистической партии*

Из всех стран, после начала первой мировой войны вставших на сторону одной из двух воюющих коалиций, в Италии, несомненно, с наибольшей силой и решительностью выявилась воля народа не участвовать в войне. Итальянский рабочий класс, воспитанный в духе интернационализма и антимилитаризма, сразу же поддержал нейтралистские лозунги социалистической партии, отвергнув с негодованием попытку Муссолини толкнуть его на путь националистического интервенционизма. Грандиозные уличные манифестации протеста против войны стоили рабочим тяжелых жертв. Крестьянские же массы, жестоко пострадавшие от недавней колониальной войны за захват Триполитании, поддерживали антивоенную политику католической церкви (влияние которой было чрезвычайно сильным), делавшей все, чтобы помешать вступлению Италии в войну на стороне держав Антанты против «любимого детища» католической церкви — Австро-Венгерской империи. Наконец буржуазия, которая как раз в это время готовилась, преодолевая многочисленные трудности, получить первые плоды захвата Триполитании, в целом приняла программу своего крупного политического деятеля Джолитти, который считал, что национальная экономика, истощенная усилиями, затраченными на ведение войны в Африке, еще не в состоянии взять на себя неизмеримо большее бремя войны в Европе. Кроме того, по мнению Джолитти, от Австрии в качестве компенсации за итальянский нейтралитет можно было добиться уступки всех или почти всех территорий, на получение которых Италия могла бы рассчитывать в случае своей весьма проблематичной военной победы.

Однако дворцовые круги, крупные земельные собственники и часть военного командования, несмотря на драматическое самоубийство начальника генерального штаба генерала Поллио, понимавшего, что армия не готова к войне, ратовали за вступление Италии в войну. Разжигая преступную деятельность самого фанатичного авангарда национализма, во главе которого встал поэт Габриэле д'Аннунцио, они подготовили почву для парламентского путча, который, открыв путь правительству правой реакции, привел в мае 1915 г. к объявлению войны. Демагогическая спекуляция на все еще живых антигерманских традициях Рисорджименто, равно как и свойственный военному времени режим принуждения, придали армии сверх всякого ожидания сплоченность, дисциплинированность и боевой дух. Это сделало возможным на некоторое время применение варварской стратегии лобовых атак, благодаря которым командованию удалось ценой страшных потерь добиться поначалу некоторых успехов в наступлении на отдаленные объекты — Триент и Триест.

Но усиление сопротивления австрийской армии и обострение страданий населения страны в связи с нехваткой продовольствия, растущей мобилизацией людских резервов, гибелью на фронте кормильцев семей привели к новой вспышке антивоенных настроений, принявших гигантские масштабы. И вот папа Бенедикт XVII с амвона собора Св. Петра объявил войну «бессмысленной бойней», а социалисты, инициаторы конференций в Циммервальде и Кинтале, имевших целью восстановление распавшегося II Интернационала, распространили манифесты с призывом к борьбе за мир, а вслед за этим и к борьбе за превращение империалистической войны в пролетарскую революцию; этот вдохновляющий лозунг был выдвинут представителями партии, которая вела в царской России борьбу на левом фланге революционного фронта, — партии большевиков. В то же время и в лагере сторонников войны возникло острое недовольство тем, как ее вели. Стали возникать заговоры против верховного командования, на которое возлагалась ответственность за застой на фронте, а также против правительства, которое обвинялось в неспособности справиться с растущим народным движением за мир. Усталость и пессимизм постепенно проникали в души людей; ненависть к войне, охватившая массы, росла.

И именно в этот момент весь мир, как молния, облетела весть о восстании в Петрограде в феврале 1917 г. и следом — весть о революции, опрокинувшей архаическое здание полуфеодальной Российской империи, открывшей угнетенным царизмом национальностям путь к политическому и социальному освобождению. Это грандиозное событие вызвало в Италии мощную волну энтузиазма, охватившего почти все слои населения, за исключением, разумеется, придворных кругов и знати, а также крупных помещиков-латифундистов. Ведь русское самодержавие вызывало в самых широких кругах Италии чувство отвращения не только потому, что оно являлось историческим анахронизмом, но главным образом потому, что оно держало в почти рабском положении огромные массы крестьян, беспощадно преследовало фабричный пролетариат, свирепо притесняло прогрессивно мыслящую буржуазную интеллигенцию. Пламенное негодование итальянского общественного мнения вызывал и разгул в России варварского антисемитизма.

После свержения российского самодержавия никто в Италии не испытывал ни малейшего сомнения в том, что главной, если не единственной, причиной восстания трудящихся масс Петрограда, охватившего затем постепенно все города и села огромной империи, были ставшее невыносимым бремя чудовищной гекатомбы человеческих жизней, навязанной народу честолубием династии Романовых и алчностью окружавшей их кучки магнатов, и, с другой стороны, воля доведенных до отчаяния масс к миру, который любой ценой положил бы конец ужасам и тяготам войны. И все в Италии понимали, хотя бы смутно, что победа революции в России указывала другим народам путь к новому будущему. Поэтому в устах итальянских трудящихся лозунг «Да здравствует русская революция!» стал синонимом лозунга «Да здравствует мир!». Наоборот, тревога и страх сразу охватили правительства и генеральные штабы воюющих держав, опасавшихся, что пример России повсюду всколыхнет народные массы и что Россия выйдет из войны. Дипломатические представительства различных держав в Петрограде развернули лихорадочную деятельность с целью облегчить включение в новое правительство представителей партии кадетов, социалистов-революционеров и меньшевиков, которые с самого начала поддерживали империалистическую войну и теперь пытались разжечь в пролетарских массах дух воинствующего национализма, чтобы ослабить их революционный порыв.

В столицах западных держав была придумана, а затем широко распространена версия о том, будто революция в России вспыхнула

потому, что народ был возмущен политикой императора и придворных кругов, не желавших принести все в жертву интересам ведения войны и тем самым запятнавших национальную честь страны и предавших ее древние героические традиции. В целях пропаганды этой нелепой версии из России за границу были отправлены многочисленные депутаты Советов, принадлежавшие к партиям, участвовавшим во Временном правительстве Керенского. Они должны были выступать перед населением союзных государств как свидетели, подтверждавшие, что русский народ жаждет продолжать войну и что войска отправляются на фронт под красными знаменами, с пением революционных песен. Так, например, в Италию в июле прибыли меньшевики Гольденберг и Смирнов вместе с кадетами Эрлихом и Русановым. Первую свою остановку они сделали в Турине — городе с наиболее развитой промышленностью и поэтому наиболее многочисленным рабочим классом, городе, который в 1915 г. был ареной памятных боев против вступления Италии в войну. Здесь днем 21 июля перед Народным домом, где помещались все политические, профсоюзные, кооперативные и культурные пролетарские организации Турина, был назначен митинг, на который собралось свыше 40 тыс. человек, желавших выразить свою солидарность с русской революцией. Первым взял слово Гольденберг, которого представил собравшимся лидер Итальянской социалистической партии Серрати. Не успел Гольденберг начать свою речь, как из уст многотысячной толпы раздались оглушительные возгласы: «Да здравствует Ленин!», повергшие оратора в несказанное удивление и приведшие его в ярость. Эти возгласы повторялись непрерывно в течение всего выступления Гольденберга и сменившего его Смирнова каждый раз, как только незадачливые ораторы начинали говорить о необходимости продолжения войны. Такие же сцены происходили в последующие дни в Милане, Болонье, то есть во всех городах, где злополучные глашатаи военной политики Керенского пытались выступать перед народными массами, — даже в тех случаях, когда их представляли доверенные люди националистического интервенцизма¹.

Фактически о В. И. Ленине и большевистской партии итальянские рабочие и крестьяне в то время знали очень мало, однако они видели его имя под манифестами Циммервальда и Кинтала, а теперь даже из буржуазной печати узнавали, что эта партия выступила с лозунгом немедленного мира и мобилизовала под этим лозунгом народные массы России на борьбу против Временного правительства, стоявшего за продолжение войны. И этого было более чем достаточно для того, чтобы привлечь к партии большевиков и ее вождю горячие симпатии всех итальянских трудящихся, для которых «Да здравствует Ленин!» означало то же самое, что «Да здравствует мир!». Таким образом, возложенная на посланцев Временного правительства миссия военной пропаганды в конечном счете лишь еще больше стимулировала волю к миру трудящихся масс Италии. Это особенно ясно вывилось спустя несколько недель, когда демонстрация женщин Турина, требовавших хлеба, стихийно переросла после того, как рабочие покинули фабрики, в самое настоящее восстание. «Последуем примеру России!» — раздавались крики в толпе. — «Долой войну!», «Смерть акулам!» (так называли спекулянтов, нажившихся на военных поставках). С 17 по 24 августа город был ареной кровопролитных столкновений. Толпа поджигала церкви, подвалы которых, реквизированные военными властями, использовались в качестве складов военных материалов; было разгромлено большое количество продовольственных магазинов. Трудящимся не хватало руководства со стороны опытной и боевой, подлинно революционной партии. Движе-

¹ Так называли в Италии сторонников войны, ратовавших за отторжение ряда территорий, входивших в состав Австро-Венгрии. — *Примечание переводчика.*

ние развивалось стихийно, в изоляции от остальной страны. Используя это, правительство, перебросив в Турин огромные воинские силы из других районов, к концу недели овладело положением.

Слухи о событиях в Турине, несмотря на строгую цензуру над газетами и почтовой корреспонденцией, распространились по всей Италии и достигли даже фронта, где солдаты, погребенные в окопах и фактически осужденные на смерть командованием, предпринимавшим безумные попытки наступления, изнемогали от невыносимых условий, от зверской дисциплины. Весьма красноречивы опубликованные самим верховным командованием данные о росте числа дезертиров, которое от средней цифры в 650 человек в месяц в первом году войны поднялось во втором году до 2 100, а в июне 1917 г. — до 5 500. Нет сомнения, что на моральное состояние солдат огромное влияние оказали известия о пролетарской революции в России. Это воздействие особенно усилилось после того, как II Всероссийский съезд Советов утвердил два исторических декрета — о мире и о передаче земли крестьянам. Когда в конце октября по вине высокомерных и невежественных итальянских генералов итальянская армия потерпела трагическое поражение при Капоретто, открыв австрийским и германским армиям путь в долину реки По, националистическая печать злонамеренно возложила ответственность за это поражение на социалистическую партию в связи с антивоенными позициями последней. Социалисты же, несмотря на противодействие реформистского крыла партии, с энтузиазмом приветствовали победу большевиков, солидаризуясь на страницах своей газеты «Аванти» (насколько это было возможно в условиях военной цензуры) с первым в истории человечества социалистическим государством.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала решающее влияние не только на моральное состояние трудящихся масс, а затем и солдат, но и на политику западных держав в отношении России. В самом деле, если в период правления Керенского они стремились любыми средствами сохранить Россию в качестве союзника в борьбе против блока центральных держав, теперь они начали бороться уже против самой России. Эта борьба выразилась не только в вооруженной интервенции, но и в помощи белым армиям, все еще контролировавшим часть ее территории, в поощрении многочисленных заговоров, организованных уцелевшими реакционными силами против молодого социалистического государства и его руководителей. Защиту этого государства от многочисленных предательских атак, которые теперь уже открыто происходили под знаменем империалистической буржуазии, международный пролетариат рассматривал как свой священный долг. Смелые мероприятия по обновлению всей социальной, экономической, культурной и политической жизни России, предпринимавшиеся правительством рабочих и крестьян с самых первых дней его существования, характеризовали его в глазах международного рабочего класса не только как носителя идеи мира, но вместе с тем и в первую очередь как борца за раскрепощение всех эксплуатируемых, за освобождение угнетенных национальностей. Именно так воспринимали Великую Октябрьскую социалистическую революцию трудящиеся массы Италии, для которых она была маяком, озаряющим им тернистый путь борьбы.

Тем временем поражение при Капоретто и боязнь еще больших катастроф побудили итальянское правительство назначить нового главнокомандующего армии, дав ему указание смягчить режим сверхстройной дисциплины, доводившей солдат до отчаяния. Одновременно правительство торжественно провозгласило, что по окончании войны будет проведен ряд глубоких социальных реформ, и прежде всего в деревне. Эти мероприятия правительства и вспышка патриотических чувств, вызванных австро-германским вторжением в страну, чувств, обостривших традиционную ненависть к бывшим поработителям Италии и усиленных

возмущением, которое вызвала жестокость условий Брест-Литовского договора, навязанного Германией молодому Советскому государству, облегчили осуществление реорганизации итальянской армии и восстановление ее боеспособности, что сказалось уже в ходе контрнаступления на реке Пьяве и в последующих сражениях. Наконец, после военного краха блока Центральных держав и в результате восстания доведенного до полного истощения населения этих держав и угнетенных национальностей Австро-Венгерской империи в конце октября и в начале ноября 1918 г. заря мира поднялась над окровавленной землей.

Семена революции, брошенные Великим Октябрем, дали тем временем первые ростки там, где было главное ядро итальянского пролетариата — в социалистической партии. Последняя, хотя и решительно выступала против империалистической войны и вела неутомимую борьбу за мир, до тех пор никогда не ставила открыто вопрос о том, каковы ее цели, куда она поведет трудящиеся массы в том фронтальном столкновении классов, которое явно назревало в стране и неизбежно должно было произойти по окончании войны. Теперь настал момент, когда потребовалось отбросить все колебания, из которых извлекало выгоду лишь реформистское крыло партии. Понимая это, левое крыло партии, многие из наиболее видных руководителей которого к тому времени оказались в тюрьме и были приговорены к суровым наказаниям, как, например, Сerratти, Бомбаччи, Велла и др., приняло решение провести реорганизацию своих сил. На тайной конференции, состоявшейся в ноябре 1917 г. во Флоренции, была выработана проникнутая духом завоеваний Октябрьской революции программа, которая впоследствии явилась идеологической платформой так называемой «максималистской» фракции. Здесь, кстати, уместно упомянуть об этимологическом недоразумении, жертвой которого стало левое крыло итальянских социалистов. Желая выразить свое восхищение партией большевиков, название которой они ошибочно истолковали как означающее радикальный, максималистский характер ее программных требований, левые социалисты называли созданную ими фракцию «максималистской». Но как бы то ни было, максималистская фракция социалистической партии включила в принятую ею резолюцию принцип насильственного завоевания власти и организации этой власти в форме диктатуры пролетариата.

В конце войны правильность этих установок получила свое подтверждение во внезапно разразившемся в Италии стихийном взрыве крупнейших социальных конфликтов, в которых нашел отражение бурный гнев масс, подвергавшихся тяжелому гнету в страшные военные годы. Крестьяне требовали передачи им в собственность земли, фабричные рабочие добивались установления рабочего контроля над производством, представители мелкой и средней буржуазии переживали глубокое разочарование, ибо их надежды на то, что после войны они будут играть важную социальную роль, оказались иллюзорными. Первое, самое полное и долговременное совпадение стремлений партии и народных масс нашло свое выражение как раз на почве восторженного принятия Красного Октября и безоговорочного одобрения его принципов и достижений. Это обстоятельство вызвало яростные обвинения, с которыми итальянская буржуазия, охваченная страхом и злобой, обрушилась тогда на пролетарское движение, а позже использовала как главное оправдание своей поддержки фашистской контрреволюции, заявляя, что рабочий класс подпал под влияние большевизма.

В стране день от дня росла волна движения народных масс, выступавших со своими требованиями, ширились бурные экономические забастовки, политические демонстрации с требованием амнистии, демобилизации армии; разрастались стихийные беспорядки, крестьяне начали захватывать помещичьи земли, движение протеста против дороговизны сопровождалось разгромом магазинов, требованиями повышения за-

рабочей платы. Социалистическая печать, ставшая свободной после отмены цензуры, уделяла значительную часть своих страниц информации, передававшейся московским радио; профсоюзные, культурные и кооперативные издания трудящихся воспроизводили статьи и выступления руководителей Советского государства; некоторые из последних являлись даже постоянными сотрудниками этих изданий, например, издававшегося Серрати журнала «Comunismo». Боевые действия Красной Армии, разгром ею белогвардейских банд Юденича, Колчака, Врангеля, Деникина вызывали безграничное восхищение рабочей молодежи Италии. Советская эмблема — серп и молот — стихийно превратилась в символ трудящихся Италии и их организаций. Эта эмблема украсила Народные дома, помещения секций социалистической партии и даже знамена муниципалитетов, завоеванных во время первых послевоенных выборов представителями трудящихся. И рядом с нею появились являвшиеся предметом почти религиозного преклонения портреты руководителей партии большевиков, Советского государства, народного хозяйства, Красной Армии, которые олицетворяли в глазах всего мира революцию творческую и созидательную. Излишне говорить, что среди них В. И. Ленин был наиболее любимым и почитаемым. Его портрет уже вскоре можно было встретить в самых заброшенных деревенских лачугах, в самых отдаленных районах страны. Прославлявшие его народные песни звучали повсюду. Вот припев одной из них: «Да здравствует любимый Ленин, светоч свободы и справедливости!» В другой песне рассказывалось в стиле старинных легенд: «Но вот, наконец, пришел смелый человек, разбивший цепи рабства и истребивший кровопийц. Этим человеком был Ленин — освободитель мира!»

Под влиянием этой могучей волны чувств и сознательной революционной воли даже реформистское крыло социалистической партии, ранее не скрывавшее своих симпатий к меньшевикам и эсерам, несмотря на открытое присоединение последних к антисоветскому блоку, временно изменило свои позиции. Контролируемые реформистами парламентская социалистическая фракция и Конфедерация труда также оказали активную поддержку выступлениям, в которых проявлялась солидарность итальянских трудящихся с Советами. Под давлением масс анархисты, возглавляемые известным профсоюзным организатором Борги, решительно выступали в защиту социалистического государства. Таким образом, в течение 1919 г. лозунг защиты Советской России связывал как бы тонкой, но чрезвычайно прочной красной нитью многообразные, часто запутанные линии борьбы, в которой трудящиеся массы Италии, лишенные, к сожалению, мудрого политического руководства, искали путь к решающему сражению. В частности, социалистические депутаты неоднократно выступали в парламенте с требованием вывода итальянского экспедиционного корпуса из оккупированных им зон Северной России, расположенных между Архангельском и Мурманском. В декабре 1919 г. после образования нового правительства во главе с Нитти и после парламентских выборов, в результате которых социалистическая фракция в палате депутатов возросла с 25 до 156 человек, палата единогласно приняла резолюцию о признании Советской республики.

Однако наиболее яркое выражение массовое движение солидарности с революционной Россией получило на предприятиях. Именно в связи с этим движением в мае 1919 г. в Милане состоялось совещание крупнейших рабочих организаций Италии, Франции и Англии с целью заключения соглашения о совместных действиях в защиту Советской России. В июне состоялось второе совещание в Саутпорте (Англия), на котором было принято решение провести 21—22 июля в трех странах всеобщую забастовку под лозунгом «Руки прочь от Советской России!». С этим призывом обратились к итальянцам социалистическая партия, Конфедерация труда и профсоюз железнодорожников. То были бурные дни.

В Германии, Венгрии, Чехии и Австрии пролетарский авангард пытался силой оружия захватить власть, но эти попытки были потоплены в крови объединенными силами империалистических государств, одержавших победу в мировой войне, и социал-демократических правительств, образовавшихся в побежденных странах после поражения. Так же было и в Италии: после повседневных стычек между полицией и толпами народа, требовавшего работы и демобилизации армии, протестовавшего против дороговизны, против «акул, нажившихся на войне», на улицах оставались трупы убитых пролетариев. В такой обстановке объявление всеобщей забастовки в Англии, Франции и Италии повергло буржуазию в панику. Это решение с восторгом было встречено трудящимися Италии, думавшими, что забастовка явится прелюдией, а может быть, даже началом решительной борьбы, к которой социалистическая партия до сих пор не призвала народ.

И вот наступило утро 21 июля. Правительство мобилизовало все свои вооруженные силы, к которым присоединились вооруженные отряды фашистов. Людские потоки двигались из рабочих кварталов и сельских центров к зданиям рабочих организаций. Над головами демонстрантов подымался лес красных знамен и плакатов с лозунгами, прославлявшими Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Выступавшие с трибун ораторы рассказывали о драматических событиях, местом действия которых были Зимний дворец, Смольный, крейсер «Аврора», бесконечные проспекты, выходящие к Неве; о героических жестоких боях, которые вела Красная Армия; о контрреволюционных заговорах, потерпевших провал благодаря бдительности революционеров; о преступном покушении на жизнь В. И. Ленина. Энтузиазм слушателей все более возрастал, как вдруг распространилось только что полученное известие о том, что во Франции и Англии социал-демократические вожди отменили распоряжение о проведении забастовки. Этот акт подозрительным образом совпал во времени с произнесенной Клемансо угрозой, что он не остановится ни перед чем и прибегнет к любым средствам, чтобы преградить путь революционной волне, угрожавшей захлестнуть Италию. Это совпадение приняло зловещий характер в свете политики, которая привела рабочие партии Франции и Англии в годы войны к заключению недоброй памяти «священного союза» с буржуазией. Встревоженный той изоляцией, в которой теперь оказался фронт борьбы в Италии, секретариат профсоюза железнодорожников отдал, в свою очередь, приказ о возобновлении работы, что дало возможность властям осуществить переброску воинских частей в соответствии с разработанным планом подавления забастовки. Таким образом, движение, к которому вначале примкнули все без исключения трудящиеся, оказалось подорванным и утратило свой первоначальный стремительный порыв. Хотя забастовка и продолжалась еще в течение двух дней, как это и было намечено, она не привела к ожидавшемуся коренному изменению политической ситуации в Италии. Однако движение солидарности с Советской Россией после этих событий еще более усилилось, причем к нему из демагогических соображений присоединились даже некоторые весьма реакционные группы, осознавшие, что лозунг «Руки прочь от Советской России!» превратился для трудящихся страны в незыблемый принцип веры.

На XVI съезде Итальянской социалистической партии, состоявшемся в Болонье в октябре 1919 г., широкую дискуссию вызвал вопрос о Советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Из четырех фракций, выступавших на съезде (коммунистов-абстенционистов, высказывавшихся за насильственный захват власти, за диктатуру пролетариата и советскую систему; коммунистов-элекционистов, отличавшихся от первых тем, что они признавали парламент как арену борьбы на нынешнем этапе; центристов, выступавших за советскую систему, но против насиль-

ственного захвата власти, и, наконец, реформистов, отвергавших диктатуру пролетариата и являвшихся сторонниками «демократического правления»), ни одна не заявила себя противницей советской революции, и все единодушно голосовали за следующее решение: «XVI съезд Итальянской социалистической партии, протестуя со всей энергией против позорной и бесчестной политики итальянского правительства и правительств Антанты, политики враждебной в отношении Республики Советов, обращает внимание пролетариата на тот факт, что последние решения Версальского мирного конгресса предусматривают блокаду Советского государства, обрекая на голод русский пролетариат, подавляя всякое его право на самоопределение, право свободно располагать своей судьбой. Съезд возлагает на руководство партии выступление с инициативой нового международного действия, имеющего целью оказать помощь Русской республике и помешать силам реакции утопить в крови всякую надежду на пролетарскую революцию. Съезд призывает итальянский пролетариат и его политические и экономические организации быть бдительными и не позволить использовать их для отправки оружия, боеприпасов и оказания любых видов помощи реакционерам, ведущим борьбу против Советской республики. Съезд приветствует в русской революции самое высокое проявление борьбы и коммунистических движений рабочего класса».

Когда съезд перешел к обсуждению вопроса о подготовке средств, необходимых для захвата власти и сохранения ее в руках рабочего класса, мнения разделились, однако большинством голосов коммунистов-абстенционистов и коммунистов-элекционистов резолюция была принята. В ней говорилось, что «необходимо наметить средства духовной и технической подготовки, обеспечивающие достижение этой цели». Указывая, что «обеспечивающие господство буржуазии орудия угнетения и эксплуатации (государство, муниципалитеты, административный аппарат) никоим образом не могут быть преобразованы в органы освобождения пролетариата», съезд в резолюции делал из этого вывод, что «этим органам должны быть противопоставлены новые органы — Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Эти органы, действуя сперва в условиях господства буржуазии в качестве орудий борьбы за освобождение пролетариата с применением насилия, должны затем стать органами социального и экономического преобразования и построения нового, коммунистического общества». По правде сказать, по этому вопросу даже среди тех, кто составлял большинство съезда, не было ясности и уверенности. Было признано необходимым пока что ограничиться только принципиальной декларацией, отложив до предстоящей сессии Национального совета партии более конкретное рассмотрение этого вопроса. Однако когда в январе 1920 г. Национальный совет приступил к рассмотрению подготовленного руководством партии проекта создания Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, то принятие решения пришлось отсрочить, так как проект носил абстрактно-схоластический характер и был лишен какой бы то ни было связи с конкретной борьбой рабочего класса.

Лишь в апреле 1920 г. состоявшаяся в Милане сессия Национального совета формально поручила руководству партии приступить к созданию Советов «в определенных районах с тем, чтобы впоследствии распространить их при помощи соответствующего национального органа на любые районы, где массы к этому подготовлены, и, наконец, связывая их в единое целое при помощи системы органов на уровнях округа, провинции и области». За этим следовало скрупулезное изложение структуры Советов с указанием системы их выборов, условий активного и пассивного избирательного права, норм подачи жалоб и опротестования результатов выборов, порядка опубликования списков избранных депутатов, срока их полномочий, порядка лишения полномочий, права отзыва

депутатов. Этот документ являлся не столько выражением революционной воли, ищущей себе творческого выхода, сколько рабским подражанием образчикам буржуазного парламентаризма. Проникнутый духом казенщины, он был быстро сдан в архив и остался там как яркое свидетельство бесплодного прожектерства и пустозвонства, к которому, к великому сожалению, свелась в эти годы благородного революционного порыва итальянского пролетариата деятельность руководящей группы социалистической партии. Подтверждением этого явилась как раз та сессия Национального совета, о которой мы только что упоминали. Она состоялась в Милане, а не в Турине, как первоначально предполагалось, так как в последнем вспыхнула всеобщая забастовка, впоследствии названная Тольятти «самым грандиозным движением в послевоенной Италии». Эта забастовка имела целью защиту фабричных Советов — своеобразных органов, возникших и утвердившихся на заводах Турина (самых крупных в Италии) по инициативе Антонио Грамши и группы «Ордине нуово», названной так по имени созданного и руководимого Грамши политико-культурного журнала.

Грамши первым в Италии понял, что Советы как элементарная ячейка социалистического государства не являлись специфическим продуктом условий, в которых созрела и одержала победу пролетарская революция в России, но, наоборот, представляли собой, выражаясь его собственными словами, «универсальную форму повсюду, где существует рабочий класс, борющийся за завоевание своей независимости и стремящийся к своему освобождению». Но если по своей природе и своим задачам Советы имеют универсальный характер и значение, то, с другой стороны, их происхождение неизбежно связано с историческими условиями, в которых оказывается пролетариат как часть всего народа, и является отражением этих условий. Однако только в том случае, если они являются адекватным отражением борьбы пролетариата, Советы могут выявить заложенные в этой борьбе возможности обновления национальной жизни во всех ее аспектах. Исходя из этих предпосылок, Грамши поставил перед собой вопрос, существует ли в Италии какой-либо зародыш Советов. И он заявил, что такой зародыш существует. Это внутренние комиссии, то есть представительные органы рабочих, возникшие на предприятиях во время войны и имеющие задачей обеспечить в условиях запрета, наложенного правительством на деятельность профсоюзов, хоть какую-нибудь защиту интересов трудящихся от посягательств предпринимателей. Позже, в изменившихся общих условиях, в каких рабочий класс оказался в послевоенный период, функции внутренних комиссий расширились, и они превратились в органы, представлявшие всех трудящихся также в сфере политической борьбы, приняв форму фабричных советов.

Понимая большое значение этих новых органов классовой борьбы, туринский пролетариат активно содействовал их развитию, в результате чего их система быстро охватила весь экономико-производственный сектор города и окружавшей его обширной зоны. В то же время фабричные советы в своей деятельности натолкнулись на величайшую враждебность со стороны руководителей социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда, которые обвиняли их в попытке присвоения себе функций руководства рабочим классом, принадлежащих партии, в том, что они стремятся возродить концепции обанкротившегося синдикализма Сореля. На самом же деле руководители ИСП и ВКТ, постоянно колебавшиеся между деляческим реформизмом и максималистским пустозвонием, понимали, какая взрывчатая сила, угрожавшая уничтожить их бюрократическое болото, заложена в этом новом действенном орудии, возникшем под влиянием вдохновляющего примера революции в России. Недаром буржуазия, и прежде всего представители крупных промышленных монополий, с тревогой следили за быстрым развитием бурной и

плодотворной деятельности фабричных советов, организованных теперь уже в стройную систему, руководство которой признавали сотни тысяч рабочих.

Таким образом, объективно предприниматели и бюрократия из центральных органов социалистической партии и профсоюзов преследовали одну и ту же цель: как можно скорее разрушить ту новую мощную цитадель рабочего класса, какой являлись фабричные советы Турина. И когда ассоциация промышленников, использовав в качестве предлога незначительный инцидент, происшедший на одной из металлообрабатывающих фабрик, объявила в апреле 1920 г. локаут, на который рабочие Турина ответили провозглашением всеобщей забастовки, социалистическая партия и Всеобщая конфедерация труда отказали последним в поддержке. Руководство социалистической партии не захотело даже выразить свою солидарность с восставшими туринскими рабочими, назначив местом проведения сессии высшего руководящего органа итальянского социалистического движения Турин, что уже само по себе имело бы большое моральное значение. Вследствие отсутствия поддержки туринские рабочие и на этот раз были обречены на поражение. И вот, как будто бы с целью окончательно похоронить фабричные советы, сессия Национального совета, только что утвердившая свой абстрактный документ о создании советов, указывая в принятой резолюции на необходимость «координировать, дисциплинировать и регламентировать деятельность возникающих фабричных советов, чтобы избежать возможности смешения функций и полномочий этих органов и политических советов», поручила секретариату партии совместно с Всеобщей конфедерацией труда «определить границы деятельности той и другой организации». Дезавуированные таким образом «зародыши советских органов» были обречены на прозябание.

Съезд социалистической партии в Болонье, как мы уже упоминали, принял обращение к трудящимся и их экономическим организациям, в котором призывал к борьбе против отправки оружия и боеприпасов и оказания любых иных видов помощи реакционным силам, ведущим борьбу против Советской республики в России. Этот призыв был немедленно подхвачен рабочими; и в первую очередь работниками транспорта, сразу же организовавшими саботаж перевозок всех военных материалов, относительно которых могло возникнуть подозрение, что они направляются в Россию. Железнодорожные вагоны с военными грузами стали отправляться не по назначению, на важнейших железнодорожных узлах и главных станциях устраивались пробки, нарушавшие движение поездов. Пароходы, предназначенные для перевозок грузов в Черное или Балтийское море и даже в Северный Ледовитый океан, в течение долгих месяцев задерживались в итальянских портах (многие из них по инициативе Федерации моряков, возглавляемой известным сторонником Д'Аннунцио — капитаном Джульетти, — были направлены в Фиуме, захваченный поэтом, поднявшим мятеж против итальянского правительства). Эти энергичные проявления солидарности с Советской Россией со стороны железнодорожников, моряков и портовых рабочих продолжались в Италии вплоть до 1921 г., несмотря на развертывавшееся наступление фашизма, который являлся естественным врагом революционной России и, захватив в конце 1922 г. власть при помощи государственного переворота, обрушил на революционных рабочих самые свирепые репрессии.

Летом 1921 г. население Советской республики, в особенности в районах Поволжья, постигло новое бедствие — голод, трагический спутник ужасных опустошений в России, явившихся следствием гражданской войны. В этот момент солидарность итальянских трудящихся проявилась в новой форме: в сборе продовольствия, одежды, медикаментов и денег для голодавшего населения. Этот сбор принял характер братского и благородного соревнования между рабочими партиями — социали-

стической и образовавшейся в 1921 г. Итальянской коммунистической партией — и различными классовыми организациями пролетариата, чему не помешали разделявшие их разногласия. Понадобилось зафрахтовать целые пароходы, чтобы перевезти в Одессу собранные пожертвования. Впрочем, моряки из кооператива имени Гарибальди, являвшегося в это время собственником многочисленной флотилии судов, откликнулись на призыв, предоставив свои суда безвозмездно.

Однако в Италии революционная волна уже пошла на снижение. Фашизм, получив поддержку со стороны всех буржуазных партий, которые он впоследствии сам же поставил вне закона, уверенно шел к установлению своей диктатуры. Советская Россия после разгрома контрреволюции и первых успехов в восстановлении хозяйства добилась официального признания у капиталистического Запада. В Риме ожидали приезда Воровского — торгового представителя Страны Советов. А в Генуе, которая была избрана в качестве места первой после окончания войны конференции представителей всех стран, бывших участниками войны, готовились встретить наряду с другими делегациями также и делегацию Советской республики. После крушения своих надежд на немедленную победу в национальном масштабе итальянские трудящиеся в утверждении Советской республики черпали веру в успех своих грядущих битв за власть.